

Факторы и взаимосвязь политического, гражданского и социального участия в европейских обществах¹

Аннотация

В статье определены три группы в структуре факторов участия социальных акторов, охватывающие: 1) культурные особенности поведения, когнитивные структуры и ценностные ориентации; 2) ресурсы и возможности увеличения доступа к ним социальных акторов; 3) институциональные условия, в частности структура политических возможностей. По результатам анализа данных третьей (1999–2001) и четвертой (2008–2010) волн Европейского исследования ценностей (EVS) продемонстрированы особенности системы факторов политического, гражданского и социального участия в Украине по сравнению с Германией, Россией и Польшей. Установлены ограничения ресурсной и культурно-ценностной моделей для объяснения участия в отобранных странах на индивидуальном уровне. Гипотеза взаимосвязи политического, гражданского и социального участия на индивидуальном уровне не была подтверждена для Украины. Показано, что в Украине и в России не сформирован механизм

¹ В статье использованы материалы исследования, проведенного в рамках проекта “Ценностная составляющая модернизационных процессов в современном социуме Украины” целевой комплексной программы научных исследований НАН Украины “Модернизация украинского общества и экономики в контексте вызовов XXI века”, № государственной регистрации 0112U002980, НИР № П.1212, а также научно-исследовательской темы № 11БФ017-01 “Тенденции структурной трансформации украинского общества в контексте глобализации и европейской интеграции”.

Автор выражает огромную благодарность проекту “European Visions and Divisions: Comparative Studies for Advances in Teaching Sociology” Программы поддержки высшего образования / Регионального семинара усовершенствования преподавания (HESP / ReSET) Института Открытого Общества (OSI, Budapest) (руководители проекта: А.Горбачик и О.Куценко, Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко) за предоставленную возможность обсуждения тематики исследования.

конвертации субъективной неудовлетворенности в плоскость институционального политического действия.

Ключевые слова: политическое участие, гражданское участие, социальное участие, эмансипационные ценности, социальное включение

Осенью 2013 года Украину снова всколыхнула волна политической и гражданской активности, что естественно привлекает внимание социолога к этому феномену. Последствия этой беспрецедентной активности оказались драматичными и непредсказуемыми. Однако социологические и политологические исследования форм участия граждан и характеристик их активности чрезвычайно развиты и являются сегодня одним из ведущих трендов компаративных исследований [Program of the 3rd International Conference, 2013]. Основная проблема современных сравнительных исследований участия социальных акторов состоит в поиске факторов, которые бы объясняли различия в тенденциях и формах участия среди разных социальных групп и между различными обществами [Newton, 2007; Smith, 2009; Dalton, 2010; Welzel, Deutsch, 2012]. Еще одной важной задачей является выявление взаимосвязи между разными типами и формами участия [Newton, Deth van, 2005; Newton, Montero, 2007]. В то же время нужно отметить, что известные сейчас теории участия и модели измерения были разработаны главным образом на основе данных из западных демократических стран. В виде исключения теория “упадка после медового месяца” была разработана специально для “новых демократий” (в том числе стран Восточной Европы) после периода трансформаций 1990-х годов [Inglehart, 2002].

Сравнительные международные исследования долгое время фокусировались исключительно на политическом типе, фиксируя разные уникальные некумулятивные паттерны политического участия в разных странах [Verba, 1978]. Было продемонстрировано, что люди обычно специализируются на одной конкретной форме политического участия в зависимости от своих предпочтений [Verba, 1978]. Европейское социальное исследование (ESS) подтверждает некумулятивный характер участия (как политического, так и гражданского типа) на индивидуальном уровне [Newton, 2007]. Доказано, что на уровне общества как единицы анализа, европейские страны “с высоким уровнем участия по одному показателю, вероятнее всего, имеют схожий уровень по большинству иных показателей” [Newton, 2007: p. 227]. Также на индивидуальном уровне в странах консолидированной демократии была выявлена “прямая и позитивная” зависимость между социальным участием и активностью в политической жизни [Deth, 1997]. Кроме того, результаты Европейского социального исследования (ESS) убедительно свидетельствуют о наличии разных групп стран со сходством в характере и паттернах участия [Newton, Montero, 2007]. Эти и другие [Inglehart, 2002; Smith, 2009; Wallace, 2012; Савельев, 2013] исследования указывают на то, что развитые демократические общества имеют более высокий уровень участия разных типов, чем страны менее консолидированной демократии, в том числе Украина. Однако когда общество является единицей анализа, важно подчеркнуть, что показатели участия, как правило, сравниваются независимо от социального и культурного контекста участия (такого как институциональные возможности и политические режимы), что крайне важно для адекватного сравнения паттернов участия в обществах с разным уровнем развития.

Новейшие сравнительные исследования участия социальных акторов, проведенные Р.Далтоном, К.Вельцелем и др., используют такой эффективный метод анализа данных, как многоуровневое моделирование, что позволяет выявить эффекты включенных в теоретическую модель переменных одновременно на индивидуальном уровне и в масштабах всего общества [Dalton, 2010; Welzel, 2012]. То есть исследователи получают возможность установить как “экологическое” влияние на индивидуальное поведение [Welzel, 2012], так и эффект взаимодействия “национального контекста с предикторами микроуровня” [Dalton, 2010]. Однако эти исследования сфокусированы лишь на протестных формах политического и, частично, гражданского участия, оставляя без внимания важные формы гражданского и социального участия, в частности волонтерскую деятельность. Кроме того, многоуровневое моделирование помогает увидеть тенденции среди большого количества стран. Специфика отдельного общества в сопоставлении с другими может остаться незамеченной.

Таким образом, целью данной статьи является выявление особенностей системы факторов политического, гражданского и социального участия в Украине по сравнению с некоторыми другими европейскими обществами. Это важно для более глубокого понимания природы драматических событий в нашей стране. Для достижения этой цели мы проанализируем существующие теории, которые объясняют участие социальных акторов, и протестируем ресурсную и культурно-ценностную модели участия для отобранных стран. Также мы проверим гипотезу взаимосвязи политического, гражданского и социального участия на индивидуальном уровне.

Эмпирической базой исследования послужили данные третьей (1999–2001) и четвертой (2008–2010) волн Европейского исследования ценностей [EVS, 2011]. Благодаря этому исследование является сравнительным лонгитюдным с двумя точками измерения. Однако основной анализ охватывает только четвертую волну EVS. Выборка репрезентативна для населения в возрасте от 18 лет. В частности, в Украине выборка составляла 1195 и 1507 человек, опрошенных в 1999 и 2008 годах соответственно. Всего для анализа было отобрано 4 страны. Кроме Украины, являющейся основным объектом исследовательского интереса, были выбраны две соседние страны, имеющие общее социалистическое прошлое, но сегодня представляющие собой разные политические системы: это Россия, в которой утвердился принцип “управляемой демократии”, и Польша — восточноевропейская страна ЕС. В качестве основы для сравнения была выбрана самая большая в ЕС страна консолидированной демократии — Германия.

Среди комплекса индикаторов трех типов участия (всего 36 индикаторов по данным Европейского исследования ценностей [EVS, 2011]) были отобраны ключевые показатели поведенческой составляющей участия¹. Конвенциональная форма политического участия представлена вопросом “Участвовали ли Вы в санкционированных/мирных демонстрациях?” с тремя категориями ответа. Неконвенциональная (или неинституциональная) форма политического участия также измеряется вопросом с тремя вариан-

¹ Поведенческая составляющая является самой важной в оценке существующих практик участия социальных акторов. См. подробнее о концептуализации и операциональной дефиниции участия [Савельев, 2013: с. 79–80].

тами ответа: “Участвовали ли Вы в бойкотах?”. Гражданское участие измеряется по дихотомической шкале: да, если респондент был вовлечен в волонтерскую (бесплатную) работу хотя бы для одной из разнообразных общественных организаций; нет, если ни для одной. Аналогично для социального участия — это волонтерская (безвозмездная) помощь в социальной сфере (людям преклонного возраста, с ограниченными возможностями, обездоленным и т.п.). Основным методом анализа, учитывая специфику индикаторов разных типов участия (они являются категориальными), было статистическое моделирование с использованием бинарной и мультиномиальной логистической регрессии.

Обзор существующих теорий участия приводится во многих работах [Newton, 2005; Deth, 2007; Dalton, 2010; Куценко, 2006]. Анализ этих теорий нужен нам для определения структуры факторов участия. К наиболее влиятельным и релевантным для нашего исследования теориям относятся:

- Культурно-ценностная модель (теория политической культуры).
- Ресурсная модель участия.
- Теории “вызова элитам” и неконвенционального политического участия.
- Теория “упадка после медового месяца”.
- Теория структуры политических возможностей (POS).

Культурно-ценностная модель участия берет начало от *теории политической культуры*, которая была первой сравнительной теорией, пытавшейся объяснить различия между обществами в политических паттернах участия. Согласно этой теории, паттерны участия соответствуют определенным типам политической культуры, являющейся “особым сочетанием паттернов политической ориентации населения” [Almond, 1963: p. 13]. Политическая культура включает познавательные, эмоциональные и оценочные ориентации в отношении политической системы в целом, структуры, ролей, политической элиты, реализуемой политики и решений, а также отношение к себе как к политическому актору. Наконец, согласно этой теории именно политическая культура определяет, как происходит участие в обществе. На основе матрицы ориентаций Г.Алмонд и С.Верба дифференцировали три идеальных типа политической культуры:

1. Ограниченная (parochial) политическая культура.
2. Предметная политическая культура.
3. Политическая культура участия (participant political culture).

В реальности политические культуры смешаны, и, по мнению авторов теории, особого рода сочетание их типов имеет большое значение для общей эффективности политической системы. Г.Алмонд и С.Верба утверждали, что особый тип политической гражданской культуры (*the civic culture*) необходим для стабильного демократического государственного строя. Они определяют гражданскую культуру как “политическую культуру участия, в которой политическая культура и структура конгруэнтны” и в которой “политические ориентации участия объединяются, но не заменяют предметные и ограниченные ориентации” [Almond, 1963: p. 30].

Эта теория обращает внимание на культуру как детерминант политического процесса и участия. Несмотря на очевидный западоцентризм, эта теория остается мощным аналитическим инструментом. Р.Инглехарт и

К. Вельцель поддерживают эту традицию, утверждая, что культура и ценностные ориентации определяют развитие демократических институтов [Inglehart, 2005; 2010]. Поэтому важной исследовательской задачей является вопрос о том, соответствуют ли имеющиеся паттерны участия типу гражданской культуры в Украине и других европейских обществах. Кроме того, не ограничиваясь одними лишь политическими процессами, также можно обобщить культурно-ценностную модель для объяснения разных типов участия.

Другой теоретический подход основывается на *ресурсной модели участия*. Проведенные в США исследования обнаружили систематические различия в уровне и паттернах участия между разными культурными, этническими и религиозными группами. Эти различия были в значительной мере связаны с социально-экономическим статусом, который определяется групповой принадлежностью (так называемая модель SES) [Verba, 1995]. Чтобы объяснить эти различия, Н. Бернс, К. Шольцман и С. Верба описывают три вида факторов участия — ресурсы, рекрутирование, политические ориентации, которые они в совокупности определяют как ресурсную модель [Burns, 2001: р. 33]. Если ресурсы делают возможным участие (это организационные и коммуникативные способности, наличие свободного времени, деньги и социальные навыки), то рекрутирование является непосредственным толчком к участию. Это может быть просьба со стороны родственников, коллег по работе, друзей, членов церкви и т.д. Политические ориентации также важны, поскольку данные свидетельствуют, что политически заинтересованные и осведомленные граждане в большей степени склонны к участию [Verba, 1995]. Таким образом, культура и ценностные ориентации (основной фактор предыдущей теории) становятся своеобразным ресурсом, обеспечивающим участие.

Как правило, показатели участия в США и Западной Европе отражают неравный доступ к ресурсам и в первую очередь к деньгам и образованию. Аналогично, более высокий уровень образования часто обуславливает рост социального участия благодаря соответствующему увеличению ресурсов [Fuchs, 1995; Verba, 1995]. Кроме того, Т. ван дер Меер, Я. ван Дет и П. Шиперс показали, что идеологические предпочтения в западных странах являются важным фактором, определяющим участие в политической жизни [Meer, 2009]. Если для развитых демократических обществ ресурсная модель работает, то гипотеза влияния доступа к ресурсам на уровень участия в Восточной Европе, в частности в Украине, требует проверки. В целом ресурсная модель участия теоретически обоснованна. Однако она имеет ограничения для сравнительного исследования, поскольку указанная модель не учитывает внешних или ситуативных факторов, таких как правовой режим и политические возможности каждой страны (их, в частности, рассматривают теории “структуры политических возможностей”). Таким образом, ресурсная модель в первую очередь может быть применена для анализа участия в одних и тех же институциональных, культурных и политических условиях.

Важными для объяснения современных тенденций участия являются теории “*вызова элитам*” и *неконвенционального политического участия* (elite-challenging and unconventional political behavior). Согласно Р. Инглехарту, в последние десятилетия были обнаружены две противоречивые тенденции: одна проявилась в снижении форм участия, управляемых действующими элитами, такими как членство в партиях и голосование на выборах;

тогда как другая тенденция состояла в возрастании личностно-мотивированных форм участия, являющихся “вызовом элитам” [Inglehart, 1997]. На основе исследований развитых западных демократий Р. Далтон, С. Скарроу и Б. Кейн пришли к выводу о переходе от “старой политики” (то есть поддержка партий и участие в голосовании) к “новой политике” (то есть совещательная или консультативная демократия, подписание петиций, вступление в лоббистские группы, участие в референдумах и обсуждениях) [Dalton, 2004]. П. Норрис утверждает, что, с одной стороны, традиционные формы участия стали менее популярными в западных странах, а с другой стороны, наблюдается увеличение альтернативных путей гражданского вовлечения [Norris, 2002]. По ее словам, имеющиеся данные скорее указывают на “эволюцию, трансформацию и перестройку гражданской активности, нежели на ее преждевременную смерть” [Norris, 2002: р. 4]. Созвучной является позиция Р. Инглехарта, подчеркивающего, что в демократическом постиндустриальном западном обществе снижение показателей политической мобилизации, направляемой элитами, дополняется повышением уровня участия, являющегося вызовом элитам, что объясняется сдвигом от “материалистических” к “постматериалистическим” ценностям [Inglehart, 1997].

В подтверждение того, что С. Барнс и М. Каас на основании сравнительных кросс-национальных опросов утверждали ранее, в конце 1970-х годов [Barnes, 1979], результаты Европейского социального исследования (ESS) 2000-х годов доказывают, что “развитые демократические и богатые общества поощряют нетрадиционные формы протестной активности, тогда как более новые и менее упроченные демократии, как правило, не способствуют им” [Newton, 2007: р. 220–221]. Это дает основания для гипотезы о том, что Украина, подобно другим постсоциалистическим странам Восточной Европы, должна демонстрировать большее распространение традиционного поведения, чем неконвенционального и протестного.

Теория “упадка после медового месяца” (“post-honeymoon” decline) является особой разновидностью теорий неконвенционального участия в политической жизни и была специально разработана для стран Латинской Америки, Центральной и Восточной Европы, а потому особенно важна для Украины. Р. Инглехарт и Г. Каттенберг утверждают, что после перехода от авторитарных режимов “большинство новых демократий со временем вступили в фазу разочарования в демократии после медового месяца, в течение которой происходит упадок прямого политического действия” [Inglehart, 2002: р. 300]. Они обнаружили в таких странах то, что предложили называть “олигархически контролируемым участием”, которое наблюдается вместо участия как “вызова элитам”, формы которого, как отмечалось выше, получили большое распространение в странах с развитой демократией за последние 30 лет.

Теория структуры политических возможностей (POS) фокусируется на внешних и контекстуальных факторах участия, что является ее значительным преимуществом для компаративных исследований по сравнению с остальными упомянутыми теоретическими подходами. Эта теория объясняет возникновение, успех (или неудачу) и влияние социальных движений, а также существующие различия в репертуарах действия, акцентируя внимание на внешних структурных факторах [Eisinger, 1973; Kitschelt, 1986; Tarrow, 1994; McAdam, 1996]. Теория POS обычно распространяется на ин-

ституциональные и структурные особенности общества, определяющие коллективные действия, но также может быть использована при анализе индивидуального участия (социальной агентности).

Согласно Г.Китшелту, институциональные различия между национальными государствами имеют решающее значение для общественных движений и паттернов участия. Он предложил использовать двухмерную матрицу структуры политических возможностей, состоящую из политических структур “на входе”, то есть степени открытости к социальным требованиям, и политических структур “на выходе”, то есть потенциала для реализации политики. По первому критерию структура политических возможностей может быть открытой или закрытой, по второму — сильной или слабой [Kitschelt, 1986]. Определенная конфигурация этих особенностей структуры политических возможностей образует политический режим, господствующий в каждой стране. На основе этого была разработана модель, в которой дифференцируются три элемента: формальная институциональная структура; неформальные процедуры и преобладающие стратегии; конфигурация власти [Kriesi, 1995].

Таким образом, концепция структуры политических возможностей охватывает внешние факторы политического и гражданского участия: относительную открытость или закрытость институциональной политической системы; существующую конфигурацию власти, наличие союзников элиты и структуру альянса; неформальные стратегии политических элит; способность и склонность государства к репрессиям [Kriesi, 1995; McAdam, 1996]. Определение разновидностей структуры политических возможностей, присутствующих в Украине и других европейских обществах, может помочь понять различия в паттернах участия и отличий в результатах гражданских движений в странах со схожими социально-экономическими условиями. Поэтому целесообразно использовать имеющиеся показатели уровня демократии, политических прав и гражданских свобод для оценки и сравнения политических режимов в Украине и других европейских странах.

Обобщив разработанные теоретические подходы, можно выделить *три группы факторов*, которые определяют паттерны и тенденции участия и объясняют различия между обществами и социальными группами:

- 1) культурные особенности поведения, когнитивные структуры и ценностные ориентации;
- 2) наличие ресурсов и возможности увеличения доступа к ним для социальных акторов;
- 3) институциональные условия, в том числе структура политических возможностей и состояние гражданского общества.

Это общая структура факторов для всех типов участия, однако их вес может различаться в зависимости от той конфигурации, которая сложилась в отдельном обществе. Новейшие исследования выявляют различия влияния разных факторов. Р.Далтон, А. ван Сикл и С.Велдон продемонстрировали, что современная протестная активность возрастает скорее не в результате недовольства деятельностью правительства, а из-за увеличения ресурсов для участия вследствие экономического и политического развития [Dalton, 2010]. К.Вельцель и Ф.Дойч зафиксировали усиливающий эффект расширения эмансипационных ценностей в обществе, что свидетельствует в пользу культурно-ценностной модели участия [Welzel, 2012].

В подтверждение теории структуры политических возможностей данные кросс-национальных исследований свидетельствуют о том, что консолидированные демократии и экономически развитые общества Западной Европы и Северной Америки имеют более высокий уровень участия и демонстрируют больше проявлений неконвенциональных (то есть не контролируемых господствующими элитами) форм политического участия, чем менее экономически благополучные и консолидированные демократии, в том числе страны Восточной Европы [Newton, 2007; Smith, 2009; Wallace, 2012].

Также Европейское социальное исследование (ESS) выявило паттерны участия, в соответствии с которыми “обеспеченные страны с эффективной и стабильной властью имеют высокие показатели по всем видам участия”, а “страны с сильным третьим сектором благотворительных и гуманитарных организаций также характеризуются значительно большими проявлениями поведения взаимопомощи со стороны частных лиц” [Newton, 2007: p. 228]. Таким образом, существует взаимосвязь между всеми тремя типами участия (политическим, гражданским и социальным), и *высокий общий уровень участия (как проявления социального включения социальных акторов) является свойством наиболее развитых обществ*¹. Это свидетельствует о фундаментальной связи между участием социальных акторов и уровнем развития общества, процессом его модернизации.

В предыдущих исследованиях автором были определены различия в уровне и соотношении разных форм участия в Украине и в других европейских обществах, а также его соотношение со структурой политических возможностей [Савельев, 2013; Savelyev, 2013]. В этой статье в фокусе находятся ресурсная и культурно-ценностная модели участия в контексте украинского общества.

Результаты анализа свидетельствуют о том, что в Украине ценностные ориентации являются фактором политического участия, которое можно разделить на конвенциональное (институционализированное) и неконвенциональное (неинституционализированное) [Newton, 2005]. Согласно модели модернизации Р.Инглехарта и К.Вельцеля ценности являются мотивами деятельности, и в процессе экономического развития увеличивается количество носителей постматериалистических ценностей [Inglehart, 2005]. Как видно из таблиц 1 и 2, изменение ценностных ориентаций от материалистических через смешанный тип к постматериалистическим увеличивает шансы на участие или возможность участия в демонстрациях и бойкотах, даже при условии контроля уровня дохода, образования, удовлетворенности жизнью, возраста и пола. То есть в Украине ценности играют важную роль при вовлечении граждан как в конвенциональное (санкционированные демонстрации), так и в неконвенциональное (бойкоты) политическое участие.

Подобная ситуация наблюдается и в самой большой стране ЕС — Германии, которая была выбрана среди западноевропейских обществ как основание для сравнения. Менее заметна эта связь в Польше — стране, также имеющей социалистическое прошлое, а в России она вообще отсутствует. Для конвенциональной формы политического участия значимым фактором являет-

¹ О содержании понятия социального включения и его связи с участием социальных акторов см.: [Савельев, 2011; Савельев, 2013]

ся уровень образования: чем выше уровень образования, тем более вероятна политическая активность. Однако для неконвенциональной формы участия в Украине образование не играет такой роли. В этом аспекте Украина отличается от Германии, где образование выступает важным предиктором участия.

Таблица 1

Конвенциональное политическое участие^a

Участвовали ли Вы в санкционированных/мирных демонстрациях?	Украина	Германия	Россия	Польша
Участвовали в демонстрациях				
Постматериалистические ценности	0,470** (3,20)	0,751*** (6,71)	0,233 (1,20)	0,394 (1,86)
Уровень дохода	0,252* (2,38)	0,144 (1,57)	-0,072 (-0,48)	-0,067 (-0,40)
Удовлетворенность жизнью	-0,014 (-0,40)	-0,189*** (-5,64)	-0,037 (-0,92)	-0,043 (-0,68)
Уровень образования	0,187*** (3,69)	0,337*** (6,54)	0,133* (2,23)	0,273*** (3,49)
Возраст	0,005 (1,08)	-0,007 (-1,78)	0,019** (2,86)	0,005 (0,67)
Пол (жен. = 1)	-0,454** (-2,78)	-0,111 (-0,85)	0,142 (0,64)	-0,754** (-3,06)
Константа	-3,070*** (-4,89)	-1,705*** (-3,56)	-3,696*** (-4,61)	-2,496** (-2,59)
Могли бы участвовать в демонстрациях				
Постматериалистические ценности	0,268* (2,16)	0,461*** (4,36)	0,128 (0,92)	0,325** (2,75)
Уровень дохода	0,123 (1,41)	0,166 (1,93)	0,234* (2,22)	0,063 (0,68)
Удовлетворенность жизнью	-0,053 (-1,89)	-0,151*** (-4,73)	-0,002 (0,07)	-0,031 (0,89)
Уровень образования	0,108** (2,59)	0,159** (3,26)	0,066 (1,46)	0,039 (0,90)
Возраст	-0,009* (-2,28)	-0,024*** (-6,25)	-0,001 (-0,12)	-0,018*** (-3,83)
Пол (жен. = 1)	-0,258 (-1,87)	-0,0963 (-0,78)	-0,320* (-2,17)	-0,610*** (-4,46)
Константа	-0,860 (-1,68)	0,540 (1,22)	-1,453** (-2,59)	1,061* (1,97)
N	1266	1674	1155	1007

^a Четвертая волна EVS 2008–2010. Мультиномиальная логистическая регрессия, нестандартизированные коэффициенты. Сравнительная категория = **никогда бы не участвовали в демонстрациях**. z статистика в скобках.

* $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$.

Если не контролировать влияние других факторов в статистической модели, то ценности становятся значимым фактором во всех парах сравнивае-

мых категорий также в Польше, а для Украины их статистическая значимость повышается: для Украины логарифм соотношения шансов участия в демонстрациях = 0,529, z статистика = 3,82, $p < 0,001$; логарифм соотношения шансов участия в бойкотах = 0,710, z статистика = 2,93, $p < 0,01$. Но даже в этом случае в России ситуация иная. Если оценивать только факторы ресурсной модели — доход и образование, то статистика существенно не меняется и доход не является важным фактором ни одной из разновидностей политического участия.

Таблица 2

Неконвенциональное политическое участие^a

Участвовали ли в бойкотах?	Украина	Германия	Россия	Польша
Участвовали в бойкотах				
Постматериалистические ценности	0,656** (2,60)	1,639*** (9,62)	0,623 (1,70)	0,001 (0,03)
Уровень дохода	0,210 (1,12)	0,186 (1,43)	0,327 (1,13)	0,291 (1,14)
Удовлетворенность жизнью	0,012 (0,20)	-0,108* (-2,24)	-0,103 (-1,32)	-0,194* (-2,12)
Уровень образования	-0,0374 (-0,43)	0,230** (3,10)	0,241* (2,10)	0,220 (1,81)
Возраст	-0,009 (-0,95)	-0,017** (-2,74)	0,035** (2,71)	-0,010 (-0,78)
Пол (жен. = 1)	-0,839** (-2,93)	-0,139 (-0,73)	-0,210 (-0,52)	-1,291** (-3,24)
Константа	-2,594* (-2,40)	-5,089*** (-7,22)	-7,199*** (-4,58)	-0,967 (-0,67)
Могли бы участвовать в бойкотах				
Постматериалистические ценности	0,325* (2,22)	0,631*** (6,43)	0,148 (0,96)	0,302* (2,57)
Уровень дохода	0,101 (0,96)	0,118 (1,52)	0,024 (0,20)	0,157 (1,71)
Удовлетворенность жизнью	-0,048 (-1,42)	-0,111*** (-3,99)	-0,012 (-0,36)	-0,092** (-2,64)
Уровень образования	-0,013 (-0,26)	0,150*** (3,44)	0,007 (0,13)	-0,007 (-0,17)
Возраст	-0,011* (-2,21)	-0,025*** (-7,28)	-0,015** (-2,81)	-0,019*** (-4,24)
Пол (жен. = 1)	-0,557*** (-3,44)	-0,269* (-2,42)	-0,715*** (-4,48)	-0,585*** (-4,29)
Константа	-0,618 (-1,02)	-0,172 (-0,43)	0,107 (0,18)	1,250* (2,31)
<i>N</i>	1245	1630	1143	998

^a Четвертая волна EVS 2008–2010. Мультиномиальная логистическая регрессия, нестандартизированные коэффициенты. Сравнительная категория = **никогда бы не участвовали в бойкотах**. z статистика в скобках.

* $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$.

Также следует обратить внимание на то, что для Украины характерна менее активная позиция женщин по сравнению с мужчинами (все коэффициенты значимы, кроме вероятного участия в демонстрациях). Такое различие по полу нетипично для Германии. Оно также наблюдается в определенной мере в Польше и России. Это может свидетельствовать об определенной патриархальности гендерных отношений в постсоциалистических обществах по сравнению с западноевропейской страной.

Крайне интересен тот факт, что в Украине и России (а для конвенциональной формы политического участия также и Польше) в отличие от Германии отсутствовала связь между уровнем удовлетворенности жизнью и политической активностью. В Германии она, как можно было предвидеть, негативная: по мере повышения уровня удовлетворенности жизнью соотношение шансов на участие или возможное участие уменьшается (все коэффициенты значимы). То есть в России и в Украине снижение удовлетворенности жизнью не ведет к росту политической активности в институциональных формах (в отличие от Германии).

Логично предположить, что такая конструктивная активность может влиять на деятельность органов власти, отношения с работодателями, организацию жизни в общине, принятие политических решений и т.п., то есть все то, что могло бы улучшить качество жизни и, наконец, повысить уровень удовлетворенности ею. Итак, механизм преобразования субъективной неудовлетворенности в плоскость реального политического давления с целью улучшения ситуации в постсоветских странах не сформировался. Это частично может объяснить относительно низкую политическую активность в восточноевропейских странах по сравнению с западноевропейскими. Ведь уровень неудовлетворенности жизнью в первых гораздо выше.

Поскольку политическое участие в значительной мере управляемо политическими элитами, для характеристики общества чрезвычайно важны проявления гражданского и социального участия, измеренные через волонтерскую работу (добровольную помощь). Гражданское участие свидетельствует об эффективности и степени поддержки общественных организаций, социальное участие — об уровне солидарности и кооперативного поведения в обществе. По этим показателям постсоциалистические страны значительно уступают западноевропейским обществам [Newton, 2007].

В отличие от политического участия, как показывает анализ с использованием бинарной логистической регрессии, ценностные ориентации не оказывают существенного влияния на такое поведение ни в одной из сравниваемых стран, в частности в западноевропейской, если контролировать другие факторы (см. табл. 3, 4). Несмотря на это, определенное различие между западноевропейской и другими странами все же существует, поскольку постматериалистические ценности увеличивают шанс участия в волонтерской работе в Германии в целом, если не контролировать другие факторы (логарифм соотношения шансов = 0,268, z статистика = 2,90, $p < 0,01$).

Единственным значимым фактором для большинства стран является уровень образования. Люди с более высоким уровнем образования в большей мере склонны к оказанию добровольной помощи: общественным организациям — в Украине, Германии и России; в социальной сфере — в Германии и Польше.

В Германии и Польше фактором, позволяющим спрогнозировать волонтерскую деятельность в социальной сфере, также является уровень удо-

влетворенности жизнью. Этот фактор также важен для гражданского участия в Германии и Украине. В отличие от политической активности связь в этом случае позитивная: те, кто более удовлетворен жизнью, больше помогают другим.

Таблица 3

**Факторы гражданского участия
(волонтерская работа для общественных организаций)^а**

Участвовали ли в волонтерской работе?	Украина	Германия	Россия	Польша
Постматериалистические ценности	0,237 (1,01)	0,023 (0,16)	0,259 (0,79)	0,244 (1,07)
Уровень дохода	0,064 (0,38)	0,180 (1,52)	-0,118 (-0,50)	0,085 (0,48)
Удовлетворенность жизнью	0,115* (2,03)	0,177*** (3,46)	0,116 (1,50)	0,140 (1,85)
Уровень образования	0,207* (2,38)	0,240*** (3,64)	0,243* (2,19)	0,008 (0,10)
Константа	-5,438*** (-7,15)	-5,340*** (-9,89)	-5,898*** (-6,14)	-4,508*** (-5,93)
N	1293	1749	1230	1099

^а Четвертая волна EVS 2008–2010. Бинарная логистическая регрессия, нестандартизированные коэффициенты. z статистика в скобках.

* $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$.

Таблица 4

**Факторы социального участия
(волонтерская работа в социальной сфере)^а**

Участвовали ли в волонтерской работе?	Украина	Германия	Россия	Польша
Постматериалистические ценности	0,748 (1,86)	0,171 (1,45)	0,361 (0,82)	-0,016 (-0,05)
Уровень дохода	0,009 (0,03)	0,420*** (4,26)	-0,072 (-0,22)	0,249 (0,94)
Удовлетворенность жизнью	0,019 (0,22)	0,142*** (3,44)	0,083 (0,81)	0,272* (2,10)
Уровень образования	0,284 (1,82)	0,150** (2,77)	0,179 (1,21)	0,374** (2,95)
Константа	-7,218*** (-5,37)	-4,859*** (-11,03)	-6,164*** (-4,90)	-8,347*** (-6,05)
N	1294	1749	1229	1095

^а Четвертая волна EVS 2008–2010. Бинарная логистическая регрессия, нестандартизированные коэффициенты. z статистика в скобках.

* $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$.

Таким образом, если в Германии существует эффективный механизм трансформации удовлетворенности жизнью со стороны социальных акторов в плоскость реального действия (все коэффициенты значимы на уровне

$p < 0,001$), то в России он отсутствует, а в случае Украины и Польши можно сделать вывод о значительных проблемах в его функционировании. А такой механизм не менее важен, чем политический. Если неудовлетворенность обуславливает политическую активность, через которую можно повлиять на процесс принятия решений, преодолеть существующие проблемы и изменить ситуацию к лучшему, то удовлетворенность жизнью может вызывать желание оказать помощь тем, кто в этом нуждается, поддержать других, внести свой вклад в развитие своего сообщества. Это другой, но не менее результативный способ улучшения социальной реальности благодаря активной позиции.

Также следует отметить, что среди сравниваемых стран только в Германии весомым фактором оказания добровольной помощи в социальной сфере является уровень дохода (см. табл. 4). Для гражданского участия уровень дохода не был значимым ни в одной из стран при условии контроля других переменных (см. табл. 3). В то же время только для ресурсной модели без включения других переменных фактор дохода оказался значимым для Германии: логарифм соотношения шансов = 0,301, z статистика = 2,68, $p < 0,01$.

Большинство коэффициентов этого предиктора оказались статистически незначимыми и в регрессионных моделях для политической активности, в том числе для Германии (табл. 1, 2). Это можно проинтерпретировать как то, что наличие материальных ресурсов не является решающим для политического, гражданского и социального (за исключением Германии) участия в сравниваемых странах при условии контроля других предикторов. Только в Украине и России прослеживается определенная позитивная связь в случае конвенционального политического участия (табл. 1). Согласно ресурсной модели участия такая связь должна быть. Однако можно предположить, что наличие ресурсов (а это не только деньги, но и организационные и коммуникативные способности, наличие свободного времени и социальные навыки) само по себе не ведет к повышению уровня участия.

Исходя из результатов анализа, можно сделать вывод, что по крайней мере в компоненте дохода ресурсная модель не является адекватной для объяснения участия в большинстве случаев. Прежде всего некорректно объяснять низкий уровень участия в постсоветских странах бедностью значительной части населения, ведь увеличение дохода не означает повышения активности в гражданской и социальной сфере. С другой стороны, в Германии политическое участие объясняют постматериалистические ценности, удовлетворенность жизнью и образование, а доход не оказывает влияния (хотя он умеренно коррелирует с образованием и уровнем удовлетворенности жизнью), тогда как для прогнозирования волонтерской деятельности в социальной сфере важен именно доход, а не постматериалистические ценности. Это может означать, что существуют иные, нежели постматериалистические, ориентации, определяющие склонность именно к добровольной помощи, что отличает ее от политического участия.

Важным результатом нашего анализа также является то, что схожие ориентации в Украине в отличие от Германии не связаны с уровнем дохода. Если более обеспеченные украинцы более склонны участвовать в санкционированных демонстрациях, то к реальному оказанию помощи за рамками семьи увеличение уровня дохода не побуждает (в отличие от Германии). Кроме того, в Украине фактически происходит уменьшение доли тех, кто

вовлечен в волонтерскую деятельность, — с 10,4% в 1999 году до 6,3% в 2008-м (см. табл. 5). Причем за этот период количество людей с низкими доходами уменьшилось, а людей с высокими — увеличилось более чем на 12%. По уровню доходов снижение участия произошло именно в группе людей с высокими доходами — с 6,6% в 1999-м до 2,1% в 2008 году (добровольная помощь в социальной сфере) и с 11% в 1999 году до 6% в 2008-м (добровольная помощь общественным организациям), тогда как среди людей с низкими и средними доходами снижение было в пределах статистической погрешности [EVS, 2011].

Таблица 5

**Волонтерская работа
для общественных организаций и в социальной сфере в Украине^а**

Участвовали в волонтерской работе	1999	2008	Всего
Нет	1071 89,6	1412 93,7	2483 91,9
Да	124 10,4	95 6,3	219 8,1
Всего	1195	1507	2702
%	100	100	100

^а Третья и четвертая волны EVS 1999–2008.

Таким образом, рост доходов в Украине не сопровождается формированием соответствующих ориентаций, мотивирующих к волонтерской деятельности. Наоборот, эти ориентации утрачиваются, если сравнивать конец 1990-х и 2000-х годов. Нельзя, однако, исключать и фактор рекрутирования (непосредственного толчка к участию), который, в частности, зависит от институциональных условий, социального капитала, развитости гражданского общества и волонтерских сетей. Установление влияния этого фактора в Украине и определение специфических ориентаций в плане добровольной помощи потребует дальнейших исследований.

Как отмечалось выше, отдельной исследовательской проблемой является взаимосвязь между разными типами участия. Гипотеза о том, что конвенциональная и неконвенциональная формы политического участия имеют позитивную связь с уровнем активности в гражданской и социальных сферах, подтвердилась для Германии и, частично, Польши. Как показывает анализ с применением бинарной логистической регрессии, в Германии и Польше люди, участвующие в демонстрациях, или те, кто мог бы в них участвовать, более склонны к оказанию добровольной помощи (см. табл. 6). В случае Германии это касается и тех, кто принимает участие в бойкотах, если не контролировать участие в демонстрациях: логарифм соотношения шансов = $-0,323$, z статистика = $-3,77$, $p < 0,001$; при контроле участия в демонстрациях значимость z статистики предельная $p = 0,059$.

Связь между политическим участием и волонтерской деятельностью в Украине и России, к сожалению, отсутствует (см. табл. 6). Это означает, что независимо от того, насколько политически активен человек, это не увеличивает вероятности того, что он будет оказывать добровольную помощь.

Это существенно ухудшает перспективы усиления роли активной гражданской позиции и ее позитивного влияния на модернизационные процессы в Украине. Можно предположить, что политическое давление в случае отсутствия такой связи осуществляется преимущественно из партикулярных интересов без поддержания определенного уровня солидарности в обществе и направленности на взаимопомощь и общественный диалог. А это снижает эффективность политического участия социальных агентов, делает его менее конструктивным. Как показала практика, в некоторых случаях оно оказалось разрушительным. Отсутствие подобной связи также объясняет, почему повышение уровня политического участия в Украине в последнее десятилетие не сопровождалось одновременным повышением гражданского и социального участия [Савельев, 2013].

Таблица 6

Волонтерская работа и политическое участие^а

Участвовали ли в волонтерской работе?	Украина	Германия	Россия	Польша
Участие в санкционированных /мирных демонстрациях	-0,264 (-1,71)	-0,265** (-3,25)	-0,263 (-1,33)	-0,507* (-2,53)
Участие в бойкотах	0,076 (0,34)	-0,181 (-1,89)	-0,050 (-0,18)	-0,028 (-0,12)
Константа	-2,269*** (-4,10)	-0,437* (-1,97)	-2,181** (-3,12)	-1,304** (-2,82)
N	1429	1864	1367	1301

^а Четвертая волна EVS 2008–2010. Бинарная логистическая регрессия, нестандартизированные коэффициенты. z статистика в скобках.

* $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$.

Выводы

Итак, в статье на основе анализа известных теорий выделено три группы в структуре факторов участия, которые охватывают культурные особенности поведения, когнитивные структуры и ценностные ориентации; ресурсы и возможности увеличения доступа к ним социальных акторов; институциональные условия, в частности структура политических возможностей. Анализ данных четвертой (2008–2010) волны Европейского исследования ценностей с применением логистической регрессии продемонстрировал особенности системы факторов политического, гражданского и социального участия в Украине в сопоставлении с Германией, Россией и Польшей. В частности, были установлены ограничения ресурсной и культурно-ценностной моделей для объяснения участия в отобранных странах на индивидуальном уровне.

Сравнительный анализ продемонстрировал, что эмансипационные постматериалистические ценностные ориентации являются фактором участия в политической сфере в Украине, хотя они не оказывают существенного влияния на гражданское и социальное участие. Проверка гипотезы взаимосвязи политического, гражданского и социального участия показала, что, в отличие от Германии, в Украине, России и Польше добровольная волон-

терская помощь не обусловлена вовлечением в конвенциональное и неконвенциональное политическое участие на индивидуальном уровне. В Украине и России также еще не сформирован механизм конвертации субъективной неудовлетворенности в плоскость институционального политического действия, служащего основой конструктивного общественного сотрудничества. В целом Украина по структуре факторов разных типов участия имеет общие черты как с Германией и Польшей, так и с Россией, что создает противоречивую картину перспектив формирования активной гражданской позиции и эффективного вовлечения в общественную жизнь украинского населения. Нынешние трагические события в Украине, на мой взгляд, подтверждают наличие такой противоречивости. Указанные противоречия, отсутствие солидарности и неадекватность социального включения жителей определенных регионов, в конечном счете стали одной из причин глубокого государственного кризиса в нашей стране.

Источники

Куценко О.Д. Сохраняют ли значение классовые основания политического участия? / О.Д. Куценко // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2006. — № 3. — С. 92–115.

Савельев Ю.Б. Суперечності концепції соціального виключення і включення: вплив соціально-політичного дискурсу на соціологічні теорії / Ю.Б. Савельев // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка: Соціологія. — 2012. — Вип. 3. — С. 33–41.

Савельев Ю.Б. Участь як прояв соціального включення в процесі модернізації: Україна в європейському контексті (1999–2010 роки) / Ю.Б. Савельев // Український соціум. — 2013. — № 2. — С. 77–98.

Almond G.A. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations / G.A. Almond, S. Verba. — Princeton, NJ : Princeton University Press, 1963.

Barnes S. Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies / S. Barnes, M. Kaase, eds. — Beverly Hills, Calif. : Sage, 1979.

Burns N. The private roots of public action: gender, equality, and political participation / N. Burns, K.L. Schlozman, S. Verba. — Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press, 2001.

Cultural and Economic changes under cross-national perspective : Program of the 3rd International Annual Research Conference [Electronic resource] / The Higher School of Economics. — Moscow. — 2013. — Nov. 12–16. — Access mode : <http://lcsr.hse.ru/en/Program2013>.

Dalton R. Advanced Democracies and the New Politics / R. Dalton, S. Scarrow, B. Cain // Journal of Democracy. — 2004. — Vol. 15, No. 1. — P. 124–138.

Dalton R. The Individual–Institutional Nexus of Protest Behaviour / Russell Dalton, Alix Van Sickle and Steven Weldon // British Journal of Political Science. — 2010. — Vol. 40, Issue 1. — P. 51–73.

Eisinger P. The Conditions of Protest Behavior in American Cities / P. Eisinger // American Political Science Review. — 1973. — Vol. 67. — P. 11–28.

EVS (2011). European Values Study 1981–2008, Longitudinal Data File [Electronic resource] // GESIS Data Archive. Cologne, Germany, ZA4804 Data File Version 2.0.0 (2011-12-30) DOI:10.4232/1.11005. — Access mode : <http://zacat.gesis.org/webview/index.jsp?object=http://zacat.gesis.org/obj/fCatalog/Catalog5>

Fuchs D. Citizens and the State / D. Fuchs, H.-D. Klingemann, eds. — Oxford : Oxford University Press, 1995.

Inglehart R. Modernization and Post-Modernization. – Princeton : Princeton University Press, 1997.

Inglehart R. Modernization, Cultural Change, and Democracy : The Human Development Sequence / R. Inglehart, C. Welzel. – Cambridge : Cambridge University Press, 2005.

Inglehart R. Changing Mass Priorities. The Link between Modernization and Democracy / R. Inglehart, C. Welzel // Perspectives on Politics. – 2010. – Vol. 8, No. 2. – P. 551–567.

Inglehart R. Trends in Political Action: The Developmental Trend and the Post-Honeymoon Decline / R. Inglehart, G. Catterberg // International Journal of Comparative Sociology. – 2002. – Vol. 43 (3–5). – P. 300–316.

Kitschelt H. Political Opportunity Structures and Political Protest: Anti-Nuclear Movements in Four Democracies / H. Kitschelt // British Journal of Political Science. – 1986. – Vol. 16. – P. 57–85.

McAdam D. Comparative Perspectives on Social Movements : Political Opportunities, Mobilizing Structures and Cultural Framing / Doug McAdam, John McCarthy, Mayer Zald eds. – Cambridge : Cambridge University Press, 1996.

New Social Movements in Western Europe : a comparative analysis / [Hanspeter Kriesi, Ruud Koopmans, Jan Willem Duyvendak, Marco G. Giugni]. – Minneapolis : University of Minneapolis Press, 1995. – 311 p.

Newton K. Foundations of Comparative Politics: Democracies of the Modern World / K. Newton, Jan W. van Deth. – Cambridge : Cambridge University Press, 2005. – 375 p.

Newton K. Patterns of political and social participation in Europe / K. Newton, J.R. Montero // Measuring Attitudes Cross-Nationally: Lessons from the European Social Survey / Roger Jowell, Caroline Roberts, Rory Fitzgerald, Gillian Eva Editors. – London : Sage, 2007. – P. 205–238.

Norris P. Democratic Phoenix: reinventing political activism / P. Norris. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002.

Savelyev Y. Participation and Political Regimes in Contemporary Europe: Comparing Non-EU 'New Eastern Europe' with 'Old' and 'Recent' EU Member States / Ю.Б. Савельев // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка: Соціологія. – 2013. – Вип. 4. – С. 9–15.

Smith M.L. The Inequality of Participation: Re-examining the Role of Social Stratification and Post-Communism on Political Participation in Europe / M.L. Smith // Sociologický časopis / Czech Sociological Review. – 2009. – Vol. 45, No. 3. – P. 487–517.

Tarrow S. States and Opportunities: The Political Structuring of Social Movements / Sidney Tarrow // Comparative Perspectives on Social Movements : Political Opportunities, Mobilizing Structures and Cultural Framing / Doug McAdam, John McCarthy, Mayer Zald editors. – Cambridge : Cambridge University Press, 1996. – P. 41–62.

Deth J. van. Private Groups and Public Life: Social Participation, Voluntary Associations and Political Involvement in representative democracies / J.W. van Deth editor. – London : Routledge, 1997.

Deth J. van. Citizenship and Involvement in European Democracies: A Comparative Analysis / J. van Deth, José Ramón Montero, A. Westholm. – N.Y. : Routledge, 2007.

Verba S. Participation and Political Equality. A Seven Nation Comparison / S. Verba, N. Nie, J.-O. Kim. – Cambridge : Cambridge University Press, 1978.

Verba S. Voice and Equality. Civic Voluntarism in American Politics / S. Verba, K.L. Scholzman, H.E. Brady. – Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1995.

Wallace C. Changing patterns of civil society in Europe and America 1995–2005. Is Eastern Europe Different? / C. Wallace, F. Pichler, C. Haerpfer // East European Politics and Societies. – 2012. – Vol. 26, No. 1. – P. 3–19.

Welzel C. Emancipative values and non-violent protest: The Importance of 'Ecological' Effects / Christian Welzel, Franziska Deutsch // British Journal of Political Science. – 2012. – Vol. 42, Issue 2. – P. 465–479.